

© 1992 г., ЭО, № 1

И. Д. Хлопина

ГОРНАЯ ШОРИЯ И ШОРЦЫ

Материал по Горной Шории был собран мною летом 1927 г., но обстоятельства сложились так, что я была лишена возможности приготовить его к печати. Время шло, дневниковые записи, литературная обработка их, проявленные фотографии и письма того времени хранились в папках, воспоминания о путешествии по глухой тайге, о людях, населявших ее, о крае, казалось, забытом Богом и людьми — в моей памяти, и ждали своего времени. И это время пришло.

Возвращаюсь памятью в 20-е годы, в пору моей молодости. Географический Институт был основан энтузиастами географами, такими как Л. С. Берг, А. Е. Ферсман, В. П. Семенов-Тяньшанский и др. в 1918 году. Этнографический факультет возглавили виднейшие ученые — проф. Владимир Германович Богораз-Тан и проф. Лев Яковлевич Штернберг. И тот и другой начали изучение культуры первобытных народов в конце прошлого века, будучи в царской ссылке, В. Г. Богораз — на Чукотке среди чукчей, Л. Я. Штернберг — на Сахалине — у гиляков. Лекции их были увлекательны и популярность их среди студентов росла, вокруг них группировалась студенческая молодежь, жаждавшая путешествий, приключений, открытий, создавались «школы». Студенты их любили и уважали, они не всегда сходились во мнениях, иногда выдвигаемые ими теории противоречили одна другой, но конфликтов не бывало никогда.

Они были разные. В. Г. Богораз, приземистый и плотный, с шаркающей походкой, с холщевым мешком в руке, набитом книгами вместо портфеля, всегда спешивший, но нередко опаздывавший на свои лекции или задерживавший их. Лекции читались им без определенного плана, он нередко перебивал сам себя, чтобы рассказать какой-то случай или анекдот. Он был полон энергии, где-то «вымаклячивал» средства для экспедиций, про себя говорил: «я не Бого-раз, а чорта-с-два», а студентов отправлял в экспедиции говоря: «посезжай туда, не знаю куда, привези то, не знаю что». Л. Я. Штернберг был совсем другой — всегда подтянутый, точный во времени и в постановке вопроса, но не менее увлеченный темами своих лекций, всегда с пачкой нужных ему цитат и справок, требовательный к себе и к своим ученикам.

В Географический Институт я поступила на I-курс в 1922 г. В Музее Антропологии и Этнографии Академии Наук (МАН) я начала работать случайно. В 1924 г. было закончено строительство Библиотеки Академии Наук (БАН). Часть книг хранилась в подвалах Музея и желающим студентам предложили помочь перевозить их в БАН. Я откликнулась и, естественно, получив доступ в Музей, познакомилась как с экспонатами, так и с сотрудниками Музея. Этнографию здесь возглавляли тоже В. Г. Богораз и Л. Я. Штернберг. Так я стала ученицей Льва Яковлевича. 1-го сентября 1925 года он пригласил четырех своих учеников на должности практикантов. Это были: Надежда Петровна Дыренкова, Нестор Константинович Каргер, Сергей Васильевич Иванов и я — Иоанна Дмитриевна Старынкевич. Нам отвели комнату, «практикантскую», где мы четверо работали под руководством Льва Яковлевича, каждый над своей темой. Н. П. Дыренкова, как и я, изучала обычаи и быт тюркских народностей Сибири. Она умерла в блокадном Ленинграде, Н. К. Каргер изучал енисейских остяков и погиб в войну

на Курской дуге, С. В. Иванов был художник и изучал изобразительное искусство народов Сибири, он умер несколько лет тому назад.

В 1926 г. Географический Институт присоединили как факультет к Ленинградскому государственному университету. По окончании мною уже Университета в 1926 г. Лев Яковлевич предложил мне аспирантуру на своей кафедре и, таким образом, я стала совмещать две должности — практикант Музея и аспирант Университета. Летом 1926 г. я была им командирована для сбора материала и коллекций в Семиреченскую область, в город Пишпек (ныне Бишкек) и дальше, вплоть до китайской границы, больше тысячи километров верхом на лошадах с проводником — по горам, перевалам, вброд через горные реки. Материал был собран большой и тоже (по тем же причинам) он остался не опубликован. Может быть, и его очередь придет? С этого же года я стала изучать турецкий язык у проф. А. Н. Самойловича и слушать лекции по востоковедению акад. В. В. Бартольда — в Институте живых восточных языков, но вскоре была отчислена, так как не была членом комсомола или партии, а Институт готовил лишь дипломатов.

В это время Л. Я. Штернберг уже закончил свое многолетнее исследование о происхождении народа айну (о. Сахалин и о. Хоккайдо) и доказал, в противовес общепринятому мнению, его родственную связь с народами Океании и сев. Австралии — исключительно на основании этнографических данных. Эта загадка была решена. Второй загадкой было происхождение тюркоязычных народностей, населявших Сибирь. Он считал, что изучение шорцев, как наиболее примитивных тюрков, обитавших в почти непроходимой тайге, куда не добирались ни миссионеры, ни скупщики пушнины — сможет пролить свет на их появление в Западной Сибири с юга, а не с севера, как полагал В. Г. Богораз. Для сбора нужного ему материала, летом 1927 г. он послал Н. П. Дыренкову и меня в Горную Шорию. Она уехала раньше, маршруты у нас были разные и мы встретились с ней там (в улусе Усть-Кобырза) лишь однажды. Материал был собран мною большой и я знала, что Лев Яковлевич его ждет. Я не сомневалась, что он поможет ему решить проблему происхождения шорцев. О том, с какими надеждами я возвращалась, говорит письмо, написанное мною в конце пути Н. П. Дыренковой:

«Дорогая Надя! После того, как мы расстались, я выполнила задание Льва Яковлевича, собрала коллекции и нашла много интересных вещей, купила их. Обратный путь мы с Марусей Хвостовой* и с одним случайным попутчиком, местным агрономом, проделали в лодке от селения Усть-Кобырза по притоку Томи—Мрассу. Сплав длился 7 дней. В середине пути были, как вы знаете, Камысовские пороги. 14 августа мы были там, нас затянуло в водоворот. На корме с одним веслом сидел агроном, в середине Маруся, я на носу с другим веслом и фактически мне пришлось править лодкой. Нас закрутило. И откуда только у меня силы взялись! Удалось выгребсти лодку из водоворота на тихую воду. Я все время неустанно думала о Льве Яковлевиче, о том, что он скажет узнав, что погибли такие коллекции и какая на мне ответственность. Верно, это и дало мне силы. Выгребла, пристали, я едва вылезла из лодки, растянута на траве и рукой шевельнуть не могла. Потом мы узнали, что за три дня до нас на этом водовороте погибли люди и лодки. Ну, встретимся, расскажу все подробно, а Льву Яковлевичу напишу, что высылаю коллекции.»

В Кузнецке меня ждала телеграмма: «Лев Яковлевич скончался 14 августа».

* * *

Шорцы живут в Горно-Шорском районе, в отрогах Кузнецкого Алатау и Салаирского кряжа, вдоль рек Кондома и Мрассу, впадающих в р. Томь, приток

* М. И. Хвостова, студентка, проходила практику по заданию В. Г. Богораз, но по другому маршруту.

Оби: Кондома — у г. Кузнецка (Новокузнецка), Мрассу — у сел. Тамазак-Мыски. С шорцами граничат: на севере русские переселенцы, на западе алтайцы, на юге шолганы и кумандинцы, на востоке хакасы (абаканские татары). По данным переписи 1927 г., общая численность шорцев достигала 47 тысяч; плотность населения в 1917 г. была 1 человек на 18 кв. сажен¹.

Но кто такие шорцы?

Известный этнограф профессор В. Г. Богораз-Тан причислял их к группе протоазиатов². В нее входили: хакасы в юго-западной части Красноярского края — вдоль рек Абакан и Чулым, шолганы и кумандинцы в северо-восточной части Горно-Алтайской области по р. Лебедь и верховью Оби и шорцы на юге Кузнецкой области, обитающие вдоль рек Кондома и Мрассу. Эти соединяющие между собой тюркоязычные народности объединялись не только общностью языка, но и родовым строем, анимистическим мировоззрением и первобытностью материальной культуры: они все «мясные» охотники, собиратели диких корней и трав, скотоводство у них в зачатке, земледелие — примитивного мотыжного типа. Так было еще в первой четверти нашего столетия. В настоящее время их русификация значительно подвинулась вперед.

Об этой группе народов в 1887 г. писал В. В. Радлов: «Они произошли от пестрой смеси племен и смешались с енисейско-остяцкими обитателями этой местности»³. Он считал шорцев отуреченными енисейцами, так же как Луценко⁴ и Ф. Аристов⁵, называвший народности этой группы отуреченными енисейцами или самоедами. В. Г. Богораз полагал, что они скорее всего отуреченные остяки (ханты), пришедшие сюда со среднего течения р. Оби, или, может быть, даже аборигены этого края.

Иного мнения придерживался проф. Л. Я. Штернберг. Он полагал, что народности этой группы не являются аборигенами, что источник их происхождения может быть только общим с другими тюркоязычными народами, что именно они, шорцы, в силу своей изоляции сохранили наибольшую чистоту языка и черты первобытной материальной и духовной культуры своих истоков и что изучение их может пролить свет на определение этих истоков, а затем и на пути распространения тюркоязычных народностей и племен по территории Сибири, Средней и Малой Азии.

Территориальная близость с русскими на севере области, в низовьях рек Кондомы и Мрассу, привела к разделению шорцев на две обособленные группы — «низовских», обрусевших земледельцев и скотоводов, и «верховских», отделенных от них горными кряжами, труднопроходимой тайгой и болотами и поэтому сохранивших свой первобытный родовой строй бродячих «мясных» охотников и собирателей диких корней и трав. Малодоступность мест их обитания и была причиной того, что они остались некрещеными и не занимались промысловой охотой: как миссионеры, так и скупщики пушнины не добирались до них.

Русские земледельцы при обработке земли под пашню находили металлические изделия — ножи, наконечники стрел, серпы и пр., и это дало повод В. В. Радлову написать, что некогда шорцы были кузнецами, но утратили свое мастерство⁶. Об этом же писал и Н. М. Ядринцев⁷. Это дало повод назвать татар «кузнецкими», а город Кузнецком. Однако в дальнейшем полуобрусевшие шорцы из сел. Тамазак-Мыски рассказали, что, по преданию стариков, несколько столетий тому назад здесь обитало племя «абинцы»; они были ловкие кузнецы, но со временем смешались с пришлыми татарами и утратили свое ремесло. В нескольких километрах от Кузнецка, на левом берегу Томи, стоит село Абинцы.

Сами шорцы себя «шорцами» не называют. Они живут родами. Каждый род (сёк) имеет свое название. Если спросить шорца из рода «челей» — шорец ли он, то он ответит «нет, я челей». Иногда они называют себя по имени рек, вдоль которых живут: прас-кижи — живущий на Мрассу, ку-кижи — по р. Лебеди и т. д. Как же шорцы получили свое название? В. В. Радлов спросил у одного из них: кто он? И тот ответил: шор-кижи; это было его родовое имя. Слово «шор» значит «дудка». Но В. В. Радлов понял, что это имя всего народа. Таким обра-

зом он назвал шорцев — шорцами. Теперь шорцы — это народность, объединенная территориально и обособленная от соседей. Алтайцы, шолганы и хакасы с ними не контактируют, относятся к ним пренебрежительно, в браки не вступают и торговых отношений с ними не имеют.

Для выяснения многочисленных вопросов необходим был сбор целого ряда материалов, касающихся материальной, социальной и духовной культуры шорцев, а также коллекций для Этнографического музея АН, и Лев Яковлевич Штернберг, заведующий Отделом Сибири этого музея, направил в Шорию летом 1927 г. двух своих учениц и сотрудниц — Надежду Петровну Дыренкову и меня, практикантку музея и аспирантку при его кафедре истории религий ЛГУ.

Н. П. Дыренкова выехала в конце апреля, чтобы застать весенние жертвоприношения в улусе Карчин по среднему течению р. Мрассу и в дальнейшем пройти по маршруту: Тамазак-Мыски — Усть-Мрассу — Канзас — Усть-Анзас — Карчин — Усть-Кобырза — Пызас и далее в сторону Абакана. Возвратилась она в середине августа.

Я выехала в мае. Поездом до Кузнецка, телегой до Тамазак-Мыски, дальше верхом с проводником вверх по левобережью Мрассу без дорог, по звериным тропам, по глухой тайге, буреломам, вброд через ручьи и реки в течение 9 дней, с ночевками у костров для отпугивания медведей и приготовления чая с черными сухарями, взятыми с собой, до сел. Усть-Кобырза, где была единственная в Шории школа-интернат, которой ведала моя бывшая сокурсница по Географическому институту Анна Ефимовна Ефимова. И через несколько дней — дальше вверх по Мрассу, ее притоку Пызас, верховьям Кондомы, по Малой Кондоме и притокам р. Лебеди — Атле и О. В улусах Калар, Индрес, Базас, Колзас, Кечин, Чору-ал, Средний Кечин, Пызас, Чулеш, Улабыш, Суронгаш, Кезес, Байгол и Усть-О были сделаны подробные записи и фотоснимки по материальной, социальной и духовной культуре шорцев; приобретались коллекции для Музея этнографии АН. Работа велась среди членов родов (секов) кайлар, челей, кара-шор, тайаш, сары-шор, кечин, чору-ал и кыйгас.

В водоразделе верховьев рек Лебеди и Мрассу мне встретились поселения нескольких семей русских староверов — «кержаков». У них образцовое хозяйство, они все грамотны и общаются с внешним миром только зимой по санному пути по замерзшим рекам.

В верховьях р. Малая Кондома, на левом ее берегу, живут русские золотоискатели, их три двора. Золото они намыывают ручным способом в корытах и лишь в половодье гидравлическим прессом. Золото сдают в государственные конторы по 2 руб. 75 коп. за золотник. Как кержаки, так и золотоискатели с шорцами никогда не общаются, но между собой отношения поддерживают.

Социальный строй и материальная культура шорцев. У всех «верховских» шорцев четко выражен родовой строй. Во главе рода старейшина (улу-кижи). Названия селений меняются в зависимости от переселений. Иногда в двух-трех селениях проживают члены одного рода, например члены рода калар обитают на притоках Мрассу и Кондомы, а рода кара-шор — на разных притоках Кондомы. Записи были произведены в 16 селениях, где обитали 8 родов — сек. По сходству, а иногда и тождеству материала эти записи объединены.

Как правило, улусы расположены по берегам рек или их притоков, но постоянно меняют свои места, иногда не все сразу, но лишь отдельные семьи. Целые улусы меняют свои места чаще всего, когда израсходуют весь топливный валежник вблизи селений или если пашня непригодна. Отдельные семьи покидают свои жилища после смерти одного из членов семьи, так как, по их представлениям, злой дух «айна», «сожравший» душу, остается жить в доме; во избежание следующей смерти вся семья покидает дом со всей утварью и строит себе другой. Еще недавно покойников не хоронили, а оставляли в лесу, открыто, на валежнике недалеко от дома, где он умер.

В каждом улусе от трех до десяти домов. У наиболее зажиточных дом напо-

минает обыкновенную курную избу, однако без русской печи и без дымохода. Построен он из плохо отесанных бревен, имеет пол, потолок и двускатную крышу, в очень редких случаях крытую железными листами. Тогда названия частей дома русские: пол, «патаस्क», столба, стене и паратта (ворота) — и дом называется «зимний». Но большинство шорцев живет в других, «летних» домах. Такой дом меньше, площадью примерно 12—15 м². Стены в нем из неотесанных бревен, вернее, стволлов, двускатная крыша крыта берестой, потолка нет, пол земляной, окон нет, дверь ниже человеческого роста. У самой двери очаг: вокруг вырытой в земле ямки несколько камней, на которые ставится чугунный котел для варки пищи. Над очагом в коньке крыши — отверстие для выхода дыма и для освещения дома дневным светом. В случае непогоды отверстие закрывается сверху берестой. В таком доме все названия его частей шорские, за исключением стен — они называются *стене*. Старики говорят, что зимние дома стали строить недавно, лишь с конца прошлого века, а летние строили в виде конуса, без стен, снаружи их крыли берестой, но очаг был таким же, из нескольких камней. В зимних домах иногда живут без печки, тогда пищу готовят на очаге, сложенном во дворе.

Почти у всех шорцев вблизи дома имеется *тастак* — это навес на столбах, крытый валежником или берестой, с одной или двумя полками для хранения в берестяных *куспаках* продуктов — ячменя, муки, крупы. Такой *тастак* иногда заменяет летний дом; тогда в земляном полу выкапывается ямка и вокруг нее ставятся камни для очага. У каждой семьи есть еще и «тастак» другого вида: это сарайчик на сваях, в виде большого ящика из прутьев, где зимой на морозе хранится запас мяса. Любой очаг топят только валежником, заготавливать дрова они не умеют и не умеют рубить. Чтобы расколоть ствол, они вкалывают в него топор и колотят по нему кувалдой, пока он не расщепится. Ни зимние, ни летние дома к зимним холодам не приспособлены, и шорцы согреваются только у своих очагов. Никакой теплой одежды у них нет. Зимой и летом они носят одежду, тканную из конопли, — «кендырь».

Основным занятием шорцев является охота. На втором месте — сбор диких корней и трав, кедрового ореха и бортничество, на третье можно поставить земледелие и на последнее — скотоводство.

Новый год начинается у них с сентября; месяцев, согласно лунным, — 13. 12 из них имеют названия, а 13-й лишний — «артык-ай», каждый год он приходится на другое время, например если затяжная осень — то на осень, если поздняя весна, то на весну и т. д. Согласно легенде, названия месяцам давал некий «Кан», а о 13-м он позабыл, и этот месяц оказался лишним. Месяцы называются: сентябрь — *уртюн-айы* — месяц молотбы, октябрь — *чарыш-айы* — половинный (полузима), ноябрь — *улу-ырлаш-айы* — старый охотничий месяц, декабрь — *кичик-ырлаш-айы* — малый охотничий, январь — *чель-айы* — месяц ветра, февраль — *ансип-айы* — переходный, март — *тайба-керюк-айы* — верно-го бурундука, апрель — *шынык-керюк-айы* — возможного бурундука, май — *шабын-айы* — месяц пашни, июнь — *от-айы* — месяц травы, июль — *нирен-айы* — сенокоса, август — *орагх-айы* — месяц жатвы.

У каждого сека свои охотничьи угодья. Они передаются из поколения в поколение, и границы их нарушать нельзя. В случаях захода на чужую территорию еще в недавнее время собирався суд старейшин, и хотя виновный должен был извиниться, но добыча оставлялась ему. Никакие ссоры по этому поводу не допускались из боязни вызвать недовольство хозяев гор — *таг-ези*. В последнее время некоторые угодья стали распределяться не по секам, а по улусам, так как некоторые члены рода откочевывают в другие места.

На охоту на пушного зверя обычно уходят группами по шесть-восемь человек, и надолго — на полтора-два месяца, и далеко, иногда за несколько десятков километров. Сейчас такие группы стали называться артелями. В зависимости от раннего или позднего наступления зимы уходят либо в середине октября, либо в начале или середине ноября. В середине или в конце декабря возвращаются на-

зад, пережидают дома самое холодное время и снова уходят в феврале опять на полтора-два месяца.

Весной, когда стает снег и в тайге начинается «игра глухарей» — «селей ойун», снова идут в тайгу примерно на неделю на глухарей. Такой артелью руководит выборный начальник, наиболее уважаемый член рода — «баштары». Он назначает точные места охоты и производит дележ — «улеш» добытой на охоте пушнины или птицы. Только недавно (несколько десятилетий назад) пушнину стали сдавать, сначала приезжавшим сборщикам, а потом и в Госторг.

По сведениям, полученным мною в отделе Госторга в улусе Байгол, по количеству добываемой пушнины на первом месте стоит бурундук — *кержук* — 61,34%, затем белка — *сакил* — 31,4%, заяц — *козан* — 2,13%; серая крыса — *арлен* — 2,13%, колонок — *сарас* — 2%, горноста́й — *аккузулук* — 0,43%, хорек — *шарлак* — 0,36%, далее в небольшом количестве летяга — *табырбан*, лисица — *тыюркю*, крот — *сускок*, барсук — *морсук*, собо́ль — *албуга*, выдра — *кандус*, олень — *акик*, рысь — *ус*, в ничтожном количестве марал — *сын*, сохатый — *план*, козуля — *киик* и росомаха — *кунуджак* *. Медведи в тайге есть, но убивать их нельзя. Медведь — *апшак* или «старый человек» — *улу киж*. Если он бывает убит, это считается несчастьем, тогда устраивают камлание, *кам* (шаман) просит прощенья и у него, и у хозяина горы. Гору кропят медвежьим салом, и имя медведя — *апшак* вслух не произносится. У шорцев повсеместно распространен культ медведя. У шорцев, живущих по р. Атла, притоку р. Лебедь (*Ку*), у ку-кижи, и у шолганов, населяющих район р. Лебеди, такой же культ лебедя, лебедей тоже убивать нельзя.

Сейчас у каждого шорца имеется ружье *берданка*, купленная в кооперативе в улусе Байгол, и капкан, купленный там же, — его ставят на колонка, горноста́я, хорька, лисицу, барсука и собо́ля. На этих же зверей ставится самодельная ловушка — самострел *шергай*, на зайца — ловушка *такнай*, врытая в землю, с падающим на зверя бревном. Еще недавно широко применялся лук *окча* с деревянными стрелами *соган*, сейчас ими ловко пользуются мальчишки при охоте на бурундука. Петли из конского волоса *селей-кылы* ставят на глухарей — *селей*, рябчиков — *сынма* и бурундуков, сеги — на собо́ля. Для охоты держат собак, иногда их несколько в каждом дворе, они небольшие, с торчащими ушами, пушистым хвостом и короткими лапами. У русских таких собак нет.

Ранней весной мужчины и мальчишки ходят в тайгу на сбор яиц уток, глухарей, гусей и рябчиков. Едят их, сварив вкрутую.

Охота у шорцев «мясная». Пушнину они стали сдавать в кооператив только в послевоенное время. В пищу употребляется мясо всех убитых зверей, за исключением лисицы, горноста́я, крысы и хорька — их мясо обладает дурным запахом. Охотиться на них стали только для сдачи шкурок. Шкурку со зверей снимают сразу же, в тайге, раньше ее бросали, теперь берут домой и сушат на распяхках. Мясо небольших зверей жарят тут же, на костре. Самое большое лакомство — беличьи головы, их приносят домой детям. Гусей, уток, глухарей и рябчиков либо жарят в тайге на вертеле, либо дома варят из них суп, засыпая лапшой или ячменной крупой.

Выделывать шкуры и шить из них одежду шорцы не умеют. меховых шуб или курток нет ни у кого. Лишь у двоих шорцев я обнаружила шапки из барсучьего меха. Однако из камуса — *пышкак* оленя, марала, сохатого и дикого козла они делают рукавицы — *ильте* без ворса, его счищают ножом. Когда потрошат животных, их них вытягивают жилы и дома делают жилные нитки: сначала сушат их на солнце или у огня, затем подвешивают под навесом, потом раскачивают обухом топора или колотушкой до мягкости, расщепляют и раз-

* Здесь и далее приводятся русские и местные названия.

рывают на тонкие волокна и поплеывая сучат на голом бедре в два волокна. Такими нитками шьют обувь *оттук* из кожи. Шкуру оленя или марала вымачивают, шерсть соскабливают ножом, коптят в дыму от гнилушек в яме, прикрытой берестой, затем смазывают салом и мнут палкой на бревне. Из кожи кроме обуви шьют рукавицы и сумки — *сумаджак* для запасов пищи на время охоты. Так до недавнего времени использовались шкуры пушных зверей.

Одежда шорцев как летом, так и зимой состоит из халата — *кендырь* и штанов — *шабур*, сшитых из домотканого конопляного холста. В редких случаях рубашка бывает сшита из покупного ситца. В зимнюю стужу шорец надевает двое или трое штанов и два или три халата и на голову, если нет меховой барсучьей шапки, что редкость, надевает холщевую, тоже конопляную небольшую круглую шапочку *перюк*, зимой поддевая под нее ситцевый платок. Обувь всегда самодельная, просторная, зимой выложенная внутри мелко накрошенной, за лето хорошо просушенной травой *озагат*. Халат *кендырь* подпоясывается ремненным поясом, к которому в период охоты прикрепляются три — пять разного размера коровьих рога для пороха, дробы, пистонов, огнива и иногда сумка для патронов. Охотник идет в тайгу на самодельных широких лыжах — *шана*, подбитых камусом, с ворсом назад. Для опоры, разгребания снега и поддержания равновесия шорец держит в руках небольшую деревянную лопатку — *курчег* и еще тянет за собой на веревке санки с запасом пищи в кожаных мешках — примерно полпуда муки — *ун* для приготовления на стоянках лапши и такое же количество муки из прожаренного ячменя — *толкан*, ячменную крупу — *ширак* и на первое время берет несколько домашних лепешек и небольшой запас мороженого мяса, обычно конского.

Рыболовство у шорцев почти не имеет значения. Рыбу ловят эпизодически только в верховьях Кондомы, по-русски — сетями или мордами, мальчики стреляют ее из лука, варят из нее суп, реже жарят, запасов из нее не делают, хотя рыбы в Кондоме изобилие — таймень, хариус, налим, кускуч и др. Рыболовство не является исконным промыслом шорцев.

Земледелие. Согласно названиям месяцев, земледелием шорцы начинают заниматься в мае (месяц пашни). Каждый хозяин имеет от $\frac{1}{4}$ до $\frac{1}{2}$ десятины пахотной земли. Участок засевается ячменем — *аш* — от 2 до 6 пудов, пшеницей — *бугдай* — около 1 пуда и коноплей — *кендырь* — около 5 фунтов. Редко сажают картофель и сеют лен. Система землепользования залежная, один участок используют от 4 до 6 лет, потом, обычно всем улусом, переселяются на другое место, бросая старую пашню. Новый участок выбирают с наименьшим количеством леса, деревья выжигают, обгорелые пни корчуют на следующий год, землю удобряют только золой от спаленного леса. Участок огораживают сучьями, и если он далеко от дома, то на нем ставят шалаш, также из сучьев, кроют его берестой или ельником, складывают очаг, и тогда вся семья переселется сюда трижды в год: весной для запашки, летом для прополки и осенью для сбора урожая на две-три недели. Спят в шалаше на взятых из дома кошмах, питаются толканом и собирают в лесу корни и луковицы диких растений.

Землю рыхлят *абылами* (род мотыги), несколько раз боронят граблями и засевают, бросая зерно горстями из берестяной сумки. В июне или в июле пропахивают и в конце августа или в сентябре жнут — только женщины. Мужчины в это время уходят на сбор кедрового ореха или ставят петли на глухарей и рябчиков. Женщина, захватив одной рукой пучок колосьев, выдирает его вместе с корнем, поэтому жатва называется *кыра орага* — рвать пашню. Потом она зажимает пучок между коленями, отрезает и отбрасывает корни. Пучки обвязываются соломой и складываются в кучки по пять пучков *сары-неш* — желтая пятерка. Для просушки пучки развешивают на жердях и через несколько дней собирают в кучу и на краю пашни разводят огонь. Теперь уже мужчины поджигают пучок за пучком, солома загорается, колос падает на землю. За ночь обработка бывает закончена. На другой день колосья собирают в кучу и обмолачивают изогнутой палкой. Затем веют — подбрасывают, ветер относит шелуху, зерно

падает на землю. Такой же способ обмолота описан Н. М. Ядринцевым⁸ у алтайцев. Зерно хранят в берестяных коробах в сараях, потом толкут в деревянных ступах. Из муки пекут хлеб — *тертнек*, делают лапшу — *тутпаш*, из ячменя варят кашу — *ширак* или тоже делают муку — *толкан*, напиток — *абыртку*, заливая ее горячей водой. Для спиртового брожения в абыртку добавляют соевую — *ут*; «обворовывающая» мышиные или крысиные норы вблизи пашни, достают в них проростки зерна — *шишган суган* или *ерлен суган*, т. е. «мышами или крысами спрятанные». Для получения араки такую закисшую абыртку перегоняют из чугунного котла по деревянной трубке в сосуд, помещенный в холодную воду.

В конце сентября или в октябре, чаще тогда, когда уже начинаются холода и выпадает первый снег, таскают из земли коноплю «кендырь кулага», уже выросшую больше человеческого роста. Эту коноплю пучками прислоняют к забору или к стене дома или сарая для просушки, потом смачивают, сдирают наружную оболочку и связывают в пучки — *тудам*, складывают их в сарай или в амбар. Зимой женщины ее обрабатывают: рвут зубами на тонкие волокна и прядают — сначала в одно волокно, потом в два (прясть — *куттанчига*) на веретене (палочка и кружок — *шук*). Часто сучат по несколько волокон на голом бедре. Холсты ткут на самодельном ткацком станке — *кендыр тебеле*, растянутом на полу в доме.

Старик Шепеев в улусе Кечин рассказал мне: семена конопли шорцы получали от русских, когда его дед был еще мальчиком. До этого одежду делали из крапивы так же, как сейчас делают из конопли, но крапива не такая прочная. О том же рассказывала и старуха из улуса Атла. Крапива называется *кендырь*, и одежда из нее — тоже. Поэтому сейчас и одежда из конопли тоже называется *кендырь*.

Шорцы, имеющие скот, в июле косят траву покупной косой, сушат сено, собирают в копны — *пугул* и потом в стоги — *юн*, накручивая сено на ободранный ствол сухого дерева.

Значительную часть рациона шорцев составляют дикорастущие травы и корни, вернее, не корни, а луковичи цветущих весной растений: *езенек* или *лес* — сибирский кандык, его белый корень сначала сушат, потом пекут в золе или варят с кашей или с молоком; *сары-гай* — это лилейная луковича, употребляемая так же; *кузук* — тоже луковичное растение, едят его в сыром виде; *кебирген* — дикий лук едят в сыром и вареном виде и луковичу, и стебель; *кайа ок суму* — луковичу едят в сыром виде. Все эти растения выкапывают весной или в начале лета. За ними ходят в тайгу группами по несколько человек и приносят по пуду и больше. В пищу употребляются и стебли трав: *калбы*, *малтырган* или *абай малтырган*, *аткабар* — их едят в сыром и вареном виде. Кроме того, с березы соскабливают зеленое волокно под корой (заболонь — *чилгына*) и едят сырым. Травы собирают отдельно от лукович, и за ними также ходят в тайгу по несколько человек. По рассказам шорцев, семья в четыре-пять человек поглощает около 2 пудов трав в месяц. По моим наблюдениям, они едят траву чуть ли не все время как дома, так и в тайге.

В этот же раздел пищи входят и дикорастущие ягоды: малина — *агаш-честеге*, земляника — *чер-честеге*, черная смородина — *кара-ат*, красная смородина — *кызыл-ат*, черника — *ныным*, кислица — *кызыл-кат*. За ягодами шорцы ходят также группами, собирают их в берестяные туесы, иногда ходят очень далеко, на несколько дней. Грибов они не собирают и в пищу не употребляют. Покупного чая не пьют, иногда заваривают листья бадана или малины.

Большое место занимает промысел кедрового ореха. По данным Аравийского⁹, он составляет 25% денежного дохода шорцев. Каждая семья собирает от 10 до 50 пудов орехов за сезон и продает в кооператив по 2 руб. 30 коп. за пуд. В зависимости от их созревания за ними отправляются в тайгу в конце августа или в начале сентября. Ходят также группами, только одни мужчины. Одни влезают на кедр и стучат по стволу ногами или обухом топора, другие соби-

упавшие шишки и складывают их в мешки — *чугналы* и ставят в шалах или под навес, сооруженный для этого в лесу. Затем здесь же шишки перетирают между рубчатыми досками или толстыми сучьями, орехи ссыпают в мешки и относят или, если есть лошадь, отвозят домой, затем относят на продажу в кооператив, оставляя себе на зиму запас. В торжественных случаях они готовят из кедровых орехов лакомое кушанье: их жарят, очищают от скорлупы, сушат, растирают между камнями, разводят водой и едят. Это блюдо называется *тогчак*.

Пчеловодство среди шорцев весьма распространено. В хозяйстве среднего достатка обычно имеется 15—20 ульев, как правило колодных; рамочные улья встречаются редко, хотя они значительно рентабельнее. Доход от меда и воска в среднем составляет от 12 до 25% всего дохода шорца. Пчеловодство распространилось здесь в XIX в. по р. Ульба на Убу и по р. Бахтарме на Алтай, затем на север в Средний Алтай и уже отсюда в Кузнецкий район к шорцам. По рассказам стариков, в улусе Кезес на среднем течении р. Мрассу пчеловодством стали заниматься лет 80 тому назад; по сведениям из улуса Индрес, — лет 20 тому назад. Во всяком случае, вся терминология пчеловодства русская: колода — *кала-да*, обруч — *обрас*, маточник — *матка агажи*, рой — *рай*, мед — *мёт* и т. д. Однако с бортничеством шорцы были знакомы значительно раньше.

Пасеку устраивают вблизи дома, на поляне, за изгородью. Колоды устанавливают вразброд, часто довольно тесно одну к другой. Для колоды в лесу выбирают прогнивший внутри ствол осины с дуплом и отпиливают нужную по размеру часть. Внутри большим железным скребком — *адылга*, а потом скребком поменьше выскабливают дупло. Дырки от сучков или червоточин тщательно конопачивают кусочками дерева — все, кроме одной, диаметром с палец, ее оставляют как леток. Дупло закрывают двумя плотно входящими крышками, что удобно для выборки меда. По мере надобности открывают то одну, то другую. В дно и сверху в колоду плотно вбивают деревянные диски. И сверху, и снизу колоду опутывают гибкими ветвями черемухи. Внутри колоды укрепляют деревянные полочки для поддержания сот. После этого колоду устанавливают в вертикальном положении, тогда, по приметам шорцев, пчелы больше роятся, хотя меда дают меньше. Положение колоды зависит от интересов пасечника: хочет ли он иметь лишние рои или больше меда. Выставляют колоды на пасеку в конце мая, когда установится теплая погода. Новые рои стряхивают с дерева, куда они садятся, на решето, матку сажают в маточник, а рой переносят в новую колоду. Осенью колоды убирают в омшаник — *подбол*, конопатят щели и укрывают сеном. Мед вырезают ножом, отжимают от воска руками, складывают в кадки, воск топят, то и другое продают в кооператив по цене: мед — 6—10 руб. за пуд, воск — 25—30 руб. за пуд.

Много вреда пасеке наносят медведи: забираясь на пасеку, они обхватывают колоду, тащат ее к ближайшему ручью, окунают в воду, топят пчел, а мед выгребая лапой и съедают. Старики рассказывали мне, что в прежнее время собирали много дикого меда в лесу. Из некоторых дупел якобы вынимали по 4—5 пудов меда, иногда вырезали все дупло и приносили домой, ставили на свою пасеку. Если дупло было расположено высоко, дерево спиливали.

Скотоводство. Далеко не в каждом хозяйстве имеется лошадь. Старики помнят время, когда у шорцев лошадей не было совсем. Появились они недавно. В улусе Чулеш (на р. Кондоме) первая лошадь появилась лет 40—50 назад, она была приобретена на золотом прииске у русского переселенца. Старик Шепеев из улуса Кечин при мне подсчитал, вспоминая рассказы своего отца, что первая лошадь появилась здесь лет 150 назад. Еще недавно их было совсем мало. Их стали покупать у русских со стороны Кузнецка и у сагайцев с востока, с Тыштанна; говорят, что в улусах по среднему течению р. Мрассу первая лошадь появилась лет 70 назад. Когда появились первые лошади, их боялись — они лягались и могли убить. Седлать их не умели, да и седел не было, на спину клали кошму и подвязывали ее плетеной веревкой; уздечки тоже были плетеные, веревочные. Седла появились лет 50 казад. Называют они лошадь *ат*, как и все тюрки, но

говорят, что так называли те, у кого они их покупали. По сведениям от местного агронома Кожурникова, так называемая кузнецкая порода лошадей является помесью русского битюга, завезенного казаками-переселенцами, и монгольской лошади — прямого потомка лошади Пржевальского. Эта метисация ухудшила все качества той и другой породы. Гибриды эти склонны к заболеваниям, плохо переносят суровые зимы и плохо ходят по горам. Они не приспособлены к климату кузнецкой тайги.

Обращаться с лошастью, ухаживать за ней и лечить ее шорец не умеет. Лошади со всего улуса дни и ночи бродят по тайге без присмотра. Их трудно ловить, они часто теряются, далеко уходят, их долго ищут, приманивают куском соли. Для того чтобы лошади далеко не уходили, близ улусов строят в тайге «поскотины» — изгороди, за которые лошади не могут уйти. Лошадей сильно мучает гнус, и хозяин тогда разводит близ дома костер, подкладывая в него свежую траву, чтобы костер сильно дымил, и здесь лошади спасаются от гнуса.

Всю весну, лето и осень лошади находятся на подножном корму, зимой их подводят к стогу сена, а вокруг него делают изгородь и здесь оставляют лошадь до тех пор, пока она не съест всего сена, потом подводят к другому стогу и т. д. Так же содержат лошадей и карагасы. Иногда лошади выбираются за изгородь, теряются в тайге, замерзают или погибают от голода. Зверь зимой лошадей не трогает — волков здесь нет, а медведь спит, другие не опасны. Шорец подходит к своей лошади только тогда, когда, по его мнению, стог уже съеден. Лечить лошадей не умеют, если лошадь «скучает», становится вялой, валяется, то ей скребут до крови ноздри медвежьей лапой, когтями — *апишийяк тербаны*, зовут кама, и он камлает духам-охранителям скота — *тер-кижи*.

Как средство транспорта лошадь не используют почти никогда, шорцы ходят пешком. Оно и понятно: если от одного улуса до другого 20 или 30 верст, то проще, скорее и легче пройти их пешком, чем потратить целый день или больше на поиски лошади в тайге, ее поймать, привести и оседлать. Шорцы — хорошие ходоки и даже тяжести предпочитают перенести на своей спине, чем возиться с лошадью.

Мне случалось видеть, как женщины, согбенные под тяжестью бревен или валежника, идут из леса, а спутанная лошадь бродит поблизости, жуя траву. По рассказам стариков, в былые времена и кочевали пешком, перенося весь свой скарб на спине. Сейчас его выючат на лошадей, так же как и мешки с зерном или кедровыми орехами.

Мясо лошадей — это один из основных продуктов питания шорцев. Но едят его только зимой, так как сохранять его, солить или вялить они не умеют, мясо сохраняется только на морозе. Как правило, семья в 4—5 человек довольствуется мясом одной лошади в год, иногда даже пополам с другой семьей.

Однако своих лошадей шорцы не режут, а покупают для убоя у торговцев, приезжающих из Кузнецка, Бийска или Таштына. Исключением являются случаи, когда бывает обещано принести ее в жертву верховному божеству за исцеление кого-нибудь из семьи или по другому случаю. Тогда в жертву приносят собственную лошадь. Лошади, обещанные для жертвы, всегда бывают очень старыми, их называют *сугхум*, им бывает 15—20—25 лет, и они уже совершенно не пригодны для работы, тощи и облезлы. Иногда их покупают, а свою продают или обменивают на более молодую. При покупке нещадно торгуются, торговля сопровождается выпивкой аракчи, иногда лошадь выменивают на мед или пушнину по государственной цене.

Для еды лошадей режут поздней осенью, после первого мороза, мясо складывают в амбары для предохранения от хищников. Иногда мясо подсушивают на солнце, развешивая на перекладинах — *сырык*. Такое мясо называется *куруткен*. Его варят в супе с картофелем или лапшой и почти никогда не жарят. Едят не только мясо, но и все внутренности — и желудок и кишки.

Шкуру убитой лошади — *ат-терези* выделывают. Сначала ее погружают в воду, обычно в реку, привязывая ее к берегу. В воде она мокнет, пока не сгниет

шерсть, примерно дней 20, потом мацерированную шерсть снимают рукой или соскабливают ножом, кладут в корыто и засыпают золой; через 4 дня промывают в реке и снова кладут в корыто и засыпают мелко нарезанной зеленой корой березы — той, что под берестой (она называется *казынг-туно*), или такой же корой тальника — *тал-туно* и заливают водой, лежит она в этом корыте долго, около месяца, и все время проверяют, вся ли краска вышла из коры; коры требуется много — фунтов 10. Готовность определяется темным цветом кожи; кожу снова промывают, сушат несколько дней, натирают салом и мнут для размягчения на специальной доске с зазубринами — *талык*. Старики говорят, что способ этот применяется лишь последние лет 50, с тех пор как стали держать лошадей. Другим способом, старым обрабатывают шкуры убитых зверей: кожу мочат, соскабливают шерсть, потом коптят в дыму гнилушек в яме, прикрытой берестой, смазывают салом и мнут. Из кожи как лошадей, так и оленей, маралов, козлов жильными нитками шьют обувь, рукавицы, сумки. Из конского волоса вяжут жгуты, арканы. Из копыт варят клей.

К о р о в а появилась у шорцев на памяти прошлого поколения, а в некоторых улусах на памяти ныне живущих стариков. Шорская корова является помесью русской комолой коровы, пришедшей с севера, из Кузнецка, сагайской из Минусинского края — с большими рогами и густой шерстью на груди и рогатой русской от переселенцев из южных губерний. Сагайская придавала выносливость и жирность, русская комолая — высокий рост, русская рогатая — большой череп. Эти сведения получены мной также от местного агронома Кожурникова.

Коров держат главным образом «верховские» шорцы, те у кого есть и лошадь. Коровы появились позднее лошадей. У улусе Чулеш на Малой Кондоме первая корова была куплена отцом шорца, которому сейчас 45 лет. В устье Кечин по верхнему течению р. Мрассу, в улусе Кыйзас, коровы появились во второй половине прошлого века от сагайцев, затем их стали покупать у русских из Кузнецка. Тогда молоко в пищу не употребляли, снимали лишь пенки с кипяченого молока — *каймак*. Потом научились делать масло, творог и простоквашу. Обычно в хозяйстве одна корова.

Содержание коров пастбищное, пастушества нет. Летом коровы стоят у дома или ходят по поскотине, от гнуса спасаются у дымных костров, как и лошади. После сбора урожая их отпускают в тайгу, привязывая к ногам палки — *азраш*, мешающие им далеко уйти. Зимой держат около дома, под открытым навесом. Яслей нет, женщины приносят им охапки сена, воду не носят, коровы жуют снег. Они сильно тощат за зиму и обрастают густой шерстью. Удой уменьшаются наполовину. Время отела — май или ноябрь, как правило, они телятся в тайге и телята часто гибнут. Доят утром и вечером с подсадкой теленка. Подрастающему теленку протыкают нос палкой и привязывают кусок бересты, чтобы не сосал мать. Корова дает 5—7 литров молока в день. Коров режут только старых, мясо сохраняют на морозе, как и конское, шкуру обрабатывают.

Овец почти никто не держит, немногие стали их приобретать лишь лет 10—20 тому назад, из овечьей шерсти делают войлок для валеных чулок, из шкур иногда шьют шапки, но не шубы. Свиной нет. Кур мало, лишь вблизи русских переселенцев.

На основании изучения материальной культуры шорцев можно с уверенностью сказать, что это полукочевой народ, сохранивший родовой строй, что они бродячие «мясные» охотники, пришельцы, но не с севера, неприспособленные к холодам, не с низовьев Оби (не рыболовы), не из степей (не скотоводы), но, видимо, с южных предгорий Тянь-Шаня, вероятнее всего, из Джунгарии.

(Окончание в следующем номере)

Примечания

- ¹ Аравийский. Шория и шорцы//Изв. Томского краеведческого музея. Томск, 1927. Т. I.
- ² Богораз-Тан В. Г. Древние переселения в Северной Евразии и Америке//Сб. МАЭ. Т. VI. 1927.
- ³ Радлов В. В. Этнографическое обозрение тюркских племен Южной Сибири и Джунгарии. СПб., 1887.
- ⁴ Луценко. Журн. Землеведение. 1898. Вып. 1.
- ⁵ Аристов Ф. Журн. Живая старина. 1896. № 3—4.
- ⁶ Радлов В. В. Из Сибири. Страницы дневника. М., 1989.
- ⁷ Ядринцев Н. М. Отчет и дневник о путешествии по Орхону и в Южный Хангай в 1891 г. СПб., 1901.
- ⁸ Ядринцев Н. М. Сибирские инородцы (Об алтайцах и черневых татарах//Изв. ИРГО. 1881 г.)
- ⁹ Аравийский. Указ. раб.

Mountain Shoria and the Shor People

The article is based on materials gathered by the author in 1927 in Mountain Shoria and describes those living in the region, with interesting data on their social, spiritual and material culture.

I. D. Ilopina